

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
М. ГОРЬКИМ

3

М А Р Т 1 9 4 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ“

Д. ЛИХАЧЕВ

„ЗАДОНЩИНА“

Осенью 1380 г. русские войска московского великого князя Дмитрия в кровопролитнейшей битве на-голову разбили войска Орды, предрешив тем самым исход татаро-монгольского ига.

Битва на Куликовом поле продемонстрировала возросшую силу русского сопротивления и вместе с тем ясно указала тот центр, вокруг которого должно было совершиться объединение русских княжеств, — Москву. Естественно, что Куликовская битва становится центральной темой литературы конца XIV и первой половины XV в. Лучшее из произведений о Куликовской битве — «Задонщина». «Задонщина» в чрезвычайно оригинальной и высокохудожественной форме ответила на идеологические запросы своего времени и сыграла существенную роль в идеологической подготовке образования русского национального государства.

Однако понять значение, а главное — своеобразную историческую концепцию этого замечательного произведения начала XV в. возможно, лишь приняв в расчет движение исторической мысли того времени, в первую очередь исторические схемы московского летописания конца XIV — начала XV в. К сожалению, попыток определения исторической концепции, выраженной в «Задонщине», до сих пор не делалось, и произведение это всегда рассматривалось как простое подражание «Слову о полку Игореве».

1

Вслед за Куликовской битвой начинается лихорадочная работа по восстановлению русской культуры, наполовину раздавленной и заторможенной в своем развитии полуторастолетним чужеземным господством; возрождается интерес к произведениям литературы домонгольского периода, отчасти к произведениям, возникшим на фольклорной основе. Составляются новые и вновь редактируются старые переводы произведений, известных еще в Киевской Руси. Создаются новые исторические сказания и повести, главным образом о борьбе с татарщиной. Чрезвычайное развитие получает летопись — хранительница исторических преданий русского народа.

Интенсивная реставрационная деятельность, предпринятая в литературе, находит себе аналогию и в реставрационной деятельно-

сти в области архитектуры. В старейших русских культурных центрах — в Твери, в Новгороде и во Владимирско-Суздальской земле — с начала XV в. ведутся усиленные восстановительные работы над сооружениями домонгольской эпохи, эпохи национальной независимости. В Новгороде, в Твери и во Владимире восстанавливаются здания «на старой основе» и строятся новые в архитектурных формах XII в. В Твери и в Москве наряду с возрождением киевских традиций устанавливается также особое отношение к Владимиру, как к «матери градом русским».

Это обращение ко временам национальной независимости во всех сторонах культурной жизни имело исключительное значение. Былое единство Руси питало уверенность в возможности объединения в будущем. Обращение к старине носило, таким образом, в конце XIV — начале XV в. глубоко прогрессивный характер. Оно было резко противоположно тому позднему консервативному обычаю судить обо всем «по старине и по пошлине», который камнем лег затем на Московское государство в XVI—XVII вв.

Через обращение к киевской и владимирской старине, к ее лучшим традициям постепенно в явлениях самого различного порядка — в литературе, в живописи, в архитектуре, в политике — складывается идеологическое обоснование необходимости единения русских княжеств в единое национальное государство. Событиям политического характера предшествует идеологическая подготовка в широчайших масштабах.

В кругу тех старых, домонгольских литературных произведений, которые сыграли особенно значительную роль в объединительной политике Москвы в конце XIV — начале XV в., центральное место принадлежит старому летописному своду, составленному еще при Владимире Мономахе — «Повести временных лет». Идеи «Повести временных лет» после Куликовской битвы сильнее всего сказались в работе московских летописцев, которая вскоре становится важнейшим государственным делом. Ведя политику собирания русской земли в единое целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий, в реальном возрождении исконной летописной идеи о единстве княжеского рода и русской земли, особенно усердно проводившейся еще в домонгольских киевских летописных сводах. Замечательно при этом, что московская летопись, первоначально не выходявшая за пределы местных интересов, в конце XIV — начале XV в. начинает пользоваться материалами других русских областей, в частности областными летописями. Москва явно стремится придать летописанию общенародный характер.

Эта объединительная работа московских летописцев, соединивших в конце XIV — начале XV в. разрозненное летописание отдельных русских областей, значительно опережала реальный политический рост Москвы, реальное объединение русских областей. Характер московского летописания, по выражению крупнейшего исследователя русских летописей А. А. Шахматова, «свидетельст-

вует об общерусских интересах, об единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей». Но то, что в конце XIV — начале XV в. едва возникало «в политических мечтах московских правителей» — идея единства Руси — было уже частично высказано еще в XII в. в зрелой и свободной форме в «Повести временных лет». Естественно, что именно «Повесть временных лет» становится политическим знаменем московских летописцев.

В 1389 г., как утверждает М. Д. Приселков, или в 1396 г., как утверждает А. А. Шахматов, составляется первый большой московский летописный свод, названный «Летописцем великим русским». Этот «Летописец великий русский» положил в свое основание тверской великокняжеский свод 1327 г., откуда заимствованы и «Повесть временных лет», с которой свод этот 1327 г. начинался. Отныне все последующие московские летописные своды открывались «Повестью временных лет». «Повесть временных лет» явилась своеобразным политическим введением к московским летописям. Отсюда московские летописцы могли заимствовать не только идею единства Руси, но и идею служения князя народу, свободную критику действий князя, идею обороны русской земли от кочевников соединенными усилиями русских княжеств. Именно с этих пор мы видим не безразличное к политическому смыслу происходящего наименование татар в московских летописях половцами (например, под 1378 г.), а татарской степи — половецкой (под 1380 г.). Очевидно, что «Повесть временных лет» не только механически переписывалась, но и усиленно читалась, и что события, изображенные в ней, применялись в определенном смысле к событиям современности. Энергичные призывы «Повести временных лет» к борьбе с половцами воспринимались как призывы к борьбе с татарами. И московский летописец не без умысла заменял в изображении современных ему событий татар половцами, сопоставляя тех и других.

В пространной и витиеватой летописной повести об Едигее 1409 г., резко заостренной против политики московского великого князя, пригласившего к себе на помощь татар и приютившего «ляха» Свидригайло, летописец, желая оправдать свою критику светской власти, ссылается на «начального летословца Киевского», который «временно богатства земская не обинуясь показуеть», и на великого Селивестра (одного из редакторов «Повести временных лет»), «не украшая пишущего». Ссылается летописец и на первых «властодержцев» русских, повелевших без гнева «вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати».

Эта небольшая приписка о задачах летописателя к повести, полной укоров и обличений трусливой политики московского великого князя, лучше всего показывает, какого широкого взгляда на свою работу держался летописец, какая острота политического обличения влагалась им в летописные своды начала XV в. и каким ав-

торитетом пользовалась в это время «Повесть временных лет», традиция исторической мысли эпохи национальной независимости.

Ту же роль, которую сыграла «Повесть временных лет» в подъеме русского летописания конца XIV — начала XV в., имело и «Слово о полку Игореве» в ряду произведений о Куликовской битве. Идеи обороны русской земли от степи, идеи необходимости единения перед лицом внешней опасности были выражены в «Слове о полку Игореве» еще с большей силой, чем в «Повести временных лет».

II

Уже первые повести о Куликовской битве, возникшие вскоре после событий 1380 г., характеризуются поисками героического стиля, и это привело их к лучшим произведениям древнерусской литературы предшествующего периода: к произведениям митрополита Илариона, к повестям о татарском разорении, к повести об Александре Невском и к народной поэзии (в частности причитаниям). В «Задонщине» этот героический стиль был найден: он явился как сочетание художественной манеры «Слова о полку Игореве» и народной поэзии. Автор «Задонщины» умело ощутил поэзию «Слова о полку Игореве», не ограничившись только поверхностными заимствованиями, сумев изложить героические события Куликовской победы в той же художественной системе, в том же художественном замысле, создав произведение большой эстетической силы. По характеристике исследователя «Задонщины» С. К. Шамбинаго — все заимствования из «Слова о полку Игореве» сделаны в «Задонщине» «в высшей степени искусно, взяты в меру, помещены у места, служат умелым украшающим дополнением к весьма искусному произведению».

«Задонщина» по существу представляет собою обширное прославление русской победы. Прославление это соединяется в «Задонщине» с элегической печалью по павшим. По выражению автора «Задонщины» — это «жалость и похвала»: жалость по убитым, похвала живым. Моменты славы и восхваления умело сочетаются в ней с мотивами элегических плачей, радость с «тугой», грозные предчувствия со счастливыми предзнаменованиями и т. д. Естественно, что для своего замысла автор «Задонщины» не мог найти лучшего образца, чем «Слово о полку Игореве».

Однако использование «Слова о полку Игореве» касается не только литературной манеры автора «Задонщины», как это обычно предполагают. Обращение к «Слову о полку Игореве» лежит в связи с исторической концепцией «Задонщины», свидетельствует о чрезвычайной интенсивности исторической мысли начала XV в., о глубине и оригинальности художественного замысла «Задонщины».

Мы отмечали уже выше то своеобразное отождествление половцев и татар, половецкой степи и татарской земли, которая харак-

терна для московских летописных сводов конца XIV — начала XV в. Идеи «Повести временных лет», использованные в московских летописных сводах в конце XIV в., применялись к современной действительности. Сам летописец рассматривал свою задачу как осуществление замыслов Владимира Мономаха и «игумена Выдобежского» Сильвестра — одного из редакторов «Повести временных лет». Мы видели уже, что в некоторых случаях летописец осуждает современных ему князей почти в тех же выражениях, как это делал киевский летописец. Отнюдь не случайно поэтому аналогичное явление и в «Задонщине». В некоторых случаях татары называются в ней половцами (а чаще, как и в «Слове», — «погаными»), татарские степи — половецкими, а первая битва с татарами на Калке отождествляется с битвой на Каяле-реке, на которой потерпели поражение от половцев войска Игоря Северского, героя «Слова о полку Игореве».

Автор «Задонщины» имел в виду не бессознательное использование художественных сокровищ величайшего произведения древней русской литературы, а вполне сознательное сопоставление самых событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в «Слове», с событиями современной ему действительности.

События «Слова» и события «Задонщины» во многом схожи между собой, как бы параллельны друг другу, но битва на Каяле — Калке противостоит битве на Дону, как противостоит начало обширного исторического периода его концу. Начало и конец «жальности земли русской» во многом схожи, но во многом и противоположны. События сопоставляются и противопоставляются на всем протяжении «Задонщины». В этом сближении событий прошлого и настоящего — пафос исторического замысла «Задонщины», отразившей обычное в конце XIV — начале XV в. сближение борьбы с половцами и борьбы с татарами, как двух этапов единой, по существу, борьбы со степью, с «диким полем», за национальную независимость.

Центральный момент и в «Слове», и в «Задонщине» — битва с «погаными». И в «Слове», и в «Задонщине» битва драматично развернута в двух эпизодах, но в «Задонщине» последовательность этих эпизодов обратна последовательности в «Слове». В «Слове о полку Игореве» исход первой половины битвы счастливый, второй — печальный. В «Задонщине» наоборот: первая половина битвы грозит разгромом русскому войску, вторая приносит ему победу.

В «Слове о полку Игореве» грозные предзнаменования сопровождают поход русских войск — волки грозу сулят по оврагам, орлы клекотом на кости зверей зовут, лисицы лают на багряные щиты русских. В «Задонщине» те же зловещие знамения сопутствуют походу татарского войска: птицы под облак летят, вороны часто грают, а галицы свою речь говорят, орлы клекочут, а волки прозно воют, а лисицы на костях брешут.

В «Слове» «дети бесови (т. е. половцы) кликом поля

прегородиша»; в «Задонщине» «русские же сынове широкие поля кликом огородиша».

В «Слове» «чръна земля под копыты» была посеяна костями русских; в «Задонщине» «черна земля под копыты костями татарскими была посеяна...»

В «Слове» кости и кровь русских, посеянные на поле битвы, всходят «тугою» «по Руской земли»; в «Задонщине» «уже бо возстона земля татарска, бедами и тугою покрыся».

В «Слове» «тоска разлися по Руской земли»; в «Задонщине» «уже по русской земле простресе веселие и буйство».

В «Слове» «а погани с всех стран прихождаху с победами на землю русскую»; в «Задонщине» же сказано о татарах: «уныша бо царей их веселие и похвала на русскую землю ходити».

В «Слове» «готския красныя девы» звенят русским золотом; в «Задонщине» русские жены «восплескаша татарским златом».

«Туга», разошедшаяся в «Слове» после поражения Игоря по всей русской земле, сходит с нее в «Задонщине» после победы Дмитрия.

То, что началось в «Слове», — кончилось в «Задонщине». То, что в «Слове» обрушилось на русскую землю, в «Задонщине» обратилось на ее врагов.

Особенно удачно противопоставление в «Задонщине» полдневного жаворонка «летней птицы, красных дней утехе» — полному соловью в «Слове», противопоставление, отражающее общее светлое содержание «Задонщины» сравнительно с элегическим содержанием «Слова».

Параллелизм событий соответствует параллелизму героев: великий князь Дмитрий Иванович соответствует Игорю Северскому, Владимир — Всеволоду, жены боярские и княгини — Ярославне и т. д.

Параллелизм событий, героев и художественных образов в «Слове» и в «Задонщине» не механичен. В каждом отдельном случае автор «Задонщины» с художественной расчетливостью опускает все, что могло бы нарушить правдивость изображения или внести оттенок ложного отношения к событиям. Так, например, бегство Мамаю в конце «Задонщины» явно противостоит бегству Игоря в конце «Слова». Однако тревожно-сочувственное изображение бегства Игоря резко отлично от трагикомического бегства Мамаю, который пошел «похвадившись на русскую землю», а ныне бежит «сам девять в Лукоморье», без дружины, которую «гораздо потчивали русские князи».

Итак, начало того исторического периода, с которого русская земля «сидит невесела», автор «Задонщины» относит к битве на Каяле, в которой были разбиты войска Игоря Северского. «Задонщина» повествует, следовательно, о конце той эпохи «туги и печали», о начале которой повествует «Слово о полку Игореве». Отсюда преднамеренное противопоставление в «Задонщине»

конца—началу, битвы на Дону—битве на Каяле, победы—поражению и преднамеренное сопоставление Каялы с Калкой, половцев с татарами. Отсюда внешнее сходство произведений, проистекающее из исторических воззрений автора «Задонщины», типичных для своего времени. Обращение к стилю «Слова о полку Игореве» входит, следовательно, в самый замысел «Задонщины» как идеологическое освещение тех событий, начало которых автор «Задонщины» видел в битве на Каяле—Калке, а конец—в битве на Дону.

Чтобы пояснить читателю эту идею, автор «Задонщины» предпослал ей предисловие, не находящее себе параллели в «Слове о полку Игореве». Предисловие это составлено в эпически-былинных тонах. На пиру у Микулы Васильевича великий князь Дмитрий Иванович обращается к «братии милой» с предложением пойти на юг, взойти на горы киевские, посмотреть на славный Днепр, «и оттоле на восточную страну, жребий Симов», от которого родились татары: «те бо на реце на Каяле (т. е. там, где была битва с половцами в «Слове», а не на Калке, где были в действительности разбиты русские татарами.—Д. Л.) одолеша род Афетов (т. е. русских.—Д. Л.), оттоле русская земля сидит невесела, от Калатьская (Каяльския) рати до Мамаева побоища тугою и печалью покрывшася, плачушися, чады своя поминаючи».

«Снидемся, братия и друзи и сынове русские, составим Слово к слову, возвеселим Рускую землю, возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий» (т. е. на татар),—приглашает автор в начале своего произведения.

Итак, центральная идея «Задонщины»—идея реванша. Этим определяется ее отношение и к «Слову о полку Игореве» и к народной поэзии, художественными приемами которых в равной мере пользуется автор.

Куликовская битва рассматривается, следовательно, в «Задонщине» как реванш за поражение, понесенное войсками князя Игоря на реке Каяле, сознательно отождествляемой автором «Задонщины» с рекой Калкой, поражение на которой в 1224 г. явилось первым этапом завоевания Руси татарами. Нужно ли говорить о том, что поражение на Каяле-реке войск Игоря Северского в известной мере действительно подготовило последующие события татарщины. «Смысл поэмы—призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»,—писал К. Маркс о «Слове о полку Игореве» (Соч., т. XXII, стр. 122). Следовательно, поражение русских на Каяле действительно имело ближайшее отношение к грозным событиям надвигающегося татаро-монгольского нашествия.

Однако, помимо этого, сопоставляя события прошлого с событиями своего времени, автор «Задонщины» тем самым ориентировал «Слово о полку Игореве» на современность, давал определенный, новый смысл призывам «Слова» к единению, во многом проделывая ту же работу, что и московские летописцы, вводившие в об-

ращение аналогичные идеи «Повести временных лет». Идеям этим суждено было сыграть существенную роль в объединительной политике московских князей, в истории постепенного сложения русского национального государства.

III

Замечательной особенностью русской литературы домонгольского периода была ее исключительная идеологическая острота. Это была литература одной темы — темы Русской земли. Мысль о ней составляет основное содержание и «Повести временных лет», и «Поучения Владимира Мономаха», и «Слова о законе» Илариона, и «Слова о полку Игореве» в особенности.

В первые годы татаро-монгольского нашествия тема родины вновь получает очень острое звучание в «Слове о погибели Русской земли», в повестях о рязанском разорении, в повести об Александре Невском, но затем в течение длительных лет «томления и муки» татаро-монгольского ига, когда, по выражению летописца, и «хлеб не шел в рот от страха», тема родины исчезает в литературных произведениях почти вовсе. Заслуга автора «Задонщины» состоит в том, что он вновь через полтора столетия заставил зазвучать эту тему с полной силой так, как будто бы литературная традиция ее разработки ни разу не прерывалась. И сделал он это, не только сознательно связав свое произведение с «Словом о полку Игореве», но внося и существенные, новые черты своего понимания этой темы.

Обратимся к «Слову о полку Игореве», посмотрим, как там создавался образ Русской земли.

Едва ли в мировой литературе существует поэтическое произведение, в котором были бы одновременно втянуты в действие такие огромные географические пространства, как в «Слове о полку Игореве». Половецкая степь («страна незнаема»), Дон, Черное и Азовское моря, Волга, Рось и Сула, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тьмутаракань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др., — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор «Слова» не выключает Русскую землю из состава окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а литву, финнов (хинове), половцев, ятвягов и деремелу (литовское племя) быть непосредственно втянутыми в ход русской истории.

Подобно Ярославу Галицкому, прозванному за свой политический ум Осмомыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обзирает происходящее, автор «Слова» видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее частях: «девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до

Киева»; «трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле»; «кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве» и т. д. Одновременно с походом Игоревы войска двигаются к Дону «неготовыми дорогами» половцы, скрипят их немазанные телеги.

Таким же обостренным слухом и зрением, способным прозревать пространства, как у него самого, наделяет автор и своих героев: когда Всеславу в Полоцке позвонят к заутрени рано у Святой Софии в колокол, — он в Киеве уже звон слышал, а когда князь Олег вступал в золотое стремя в городе Тьмутаракани, тот звон слышал давнишний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир (Мономах) всякое утро уши себе закладывал в Чернигове.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав хитростями подперся на коне и скокнул ко городу Киеву и доткнулся копием до золотого престола киевского. Отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синем тумане, на утро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав князь людей судил, князьям горда уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тьмутаракани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал.

Святослав словно вихрь исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в триднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси сами герои «Слова» приобретают гиперболические размеры: Владимира Мономаха нельзя было пригвоздить к горам Киевским; Галицкий Ярослав — подпер горы угорские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова о полку Игореве», всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть прому великому, итти дождю стрелами с Дону великого... Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря широкая печаль течет по Руси. Скачет Жаль по русской земле, мыкая в пламенном роге погребальный пепел. Ветер, солнце, грозные тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щебет соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки — составляют титанический образ Русской земли, который рисует нам «Слово о полку Игореве».

Широки и «космичны» образы плача Ярославны, противопоставленного автором шуму битвы в дали на Дунае. Ярославна в плаче обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю половецкую и лелеял на себе Святославовы насады, до Кобякова стана, к солнцу, которое всем тепло и прекрасно, а

в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

В радостях и печалях русского народа принимает участие вся русская природа: понятие родины — Русской земли — объединяет для автора его историю, «страны» (т. е. сельские местности), города, реки и всю природу. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности; Див вопит на вершине дерева, велит послушать земле неизвестной — половецкой степи, Черному морю (Сурожу), Волге, Поморью, Посулью, Корсуни и Тьмутараканскому болвану на Керченском полуострове.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом зведы и птицы. Принимают участие в судьбе Русской земли даже стены городов, унывающие при поражении русского войска.

Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в «Слове», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (гуси, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты («не буря соколы занесе чрез поля широкая, галици стады бежать к Дону великому...», вороны из дебри Кисановой несутся к синему морю и т. д.); ветры и отдаленное море подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить весь ее горизонт, автор «Слова» тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора «Слова» охватывает подробности походной жизни, степных переходов, приемы защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей.

Синтетический образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противопоставлен образу пустынной половецкой степи — «стране неизвестной», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

По точному определению акад. А. С. Орлова, героем «Слова» является не какой-нибудь из князей, а вся «Русская земля, добытая и устроенная трудом великим всего Русского народа» (акад. А. С. Орлов, «Слово о полку Игореве», Л., 1938).

Так же как и «Слово о полку Игореве», «Задонщина» — это поэма о всей Русской земле, образ которой, ее природа и историческое прошлое очерчены автором в той же широкой и свободной манере, в том же своеобразном объединении крайних пространственных пунктов, в том же поэтическом гиперболизме описаний.

В былинном зачине к «Задонщине» великий князь Дмитрий Иванович обращается к своей «братии милой» с предложением взойти на горы киевские и взглянуть оттуда на Днепр, на восточную татарскую страну, на Русскую землю и на ее историческое про-

шлое¹. В известной мере это обращение Дмитрия Донского к своим братьям следует понимать как обращение автора «Задонщины» к своим читателям. С идеальной высоты этих Киевских гор автор «Задонщины» видит всю Русскую землю одновременно. «Кони ржутъ, на Москве, бубны бьютъ на Коломне, трубы трубятъ в Серпухове, звенить слава по всей земле русской, чудно стязи стоять у Дону великаго на березе (береге), пашутся хоругови берчати (развешаются знамены узорчаты), светятся калантыри (панцыри) злачены». Сильные ветры с моря, туча «прилелеянная» к устью Дона, кровавые зори, скрип татарских телег сочетаются с предчувствием грядущих событий в манере «Слова о полку Игореве». Передвижение русских войск навстречу татарам сравнивается с полетом за Дон ястребов, соколов и белых кречетов. Князья русские съезжаются, как орлы слетаются, со всей северной страны. Титанический размах Куликовской битвы удачно подчеркнут сравнением с соступлением сильных туч, из которых «часто сияли синия молнии и гремели громы велиции». Весть о всех перипетиях Куликовской битвы с гиперболической быстротой распространяется по всей Русской земле. Огненные («поломянныя») вести о гибели русских воинов на суженном месте, на поле Куликовом, за быстрым Доном-рекою, повеяли к русским женам еще прежде, чем отгремели мечи булатные о шеломы хиновские.

Так же как и в «Слове о полку Игореве», вся русская природа сочувствует удачам и неудачам русского войска. Солнце «ясно сияет на востоце и путь поведает» отправляющемуся в поход Дмитрию Донскому. Деревья никнут к земле, птицы поют жалостные песни при первом неудачном для русских обороте Куликовской битвы. Жены русских воинов обращаются к Дону, к быстрой реке Москве, как к живым лицам.

Наконец следует отметить тот широкий исторический кругозор, который не оставляет автора «Задонщины» на всем протяжении его повествования. Политика Дмитрия Донского изображается как продолжение политики его «прадеда» — «великого князя Владимира Киевского» — Владимира Святославича. Битва на Дону соотносится с битвой на Каяле — Калке и т. д.

Во всем этом «Задонщина» как бы продолжает широкую манеру в изображении образа Русской земли «Слова о полку Игореве». Однако есть и существенная разница. Доминирующая черта в изображении Русской земли в «Слове» — скорбь о ее настоящем, тревога за ее будущее. Величественный образ родины в «Слове о полку Игореве» овеян элегической печалью. В «Задонщине» тема Русской земли тесно переплетена с прославлением ее победы, гордо-

¹ К сожалению, С. К. Шамбинаго, реконструируя текст «Задонщины» (см. его «Повести о Мамаевом побоище», СПб., 1906), без достаточных оснований отбросил вступительную и заключительную части «Задонщины». В таком усеченном виде текст «Задонщины» перепечатан и в «Хрестоматии по древней русской литературе» проф. Н. К. Гудзия.

стью ее настоящим, предчувствием ее грядущего могущества. Борьба с татаро-монгольским игом за национальную независимость требовала широкого подъема народной веры в свои силы, в свое будущее. Эту задачу и ставила себе «Задонщина», подчеркивая значение Куликовской победы, рассматривая ее как поворотный момент в судьбе страны, сопоставляя и сдвигая события прошлого и настоящего, соотнося ее с битвами на Каяле и на Калке.

Московская летопись рассказывает, что во время Куликовской битвы гости «сурожане», т. е. итальянские купцы из Причерноморья, внимательно следили за исходом битвы, чтобы передать весть о ней в свои страны. И вместе с тем ни московские, ни новгородские летописные своды конца XIV — начала XV в., ни первые повести о Донской битве еще не осознают в полной мере всего ее грандиозного значения. Между тем автор «Задонщины» знает, что события Куликовской победы имели широкий европейский отклик и вновь ввели Русь на европейскую историческую арену. Весть о победе распространяется по всему миру: «шибла слава к морю, к Железным вратам (Дербенту на Каспийском море), к Риму, и к Кафе (Феодосии), и ко Царю граду, что Русь поганых одолеша».

Задача «Задонщины» — прославить Русскую землю — ясно выражена во вступлении, где автор приглашает возвеселить Русскую землю, ввергнуть печаль на восточную страну в Симов жребий, т. е. на татар, провозгласить победу над Мамаем, воздать похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу.

В общее ощущение торжества, гордости за свою родину вторгаются нотки печали. Трогательно, например, скорбное прощание великого князя Дмитрия Ивановича с убитыми на Куликовом поле русскими воинами.

Итак, тот же обратный параллелизм со «Словом о полку Игореве» характерен и для центральной темы «Задонщины» — темы родины.

Не следует, однако, представлять себе взаимоотношения «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» как своеобразную перекличку через столетия в пустом и безразличном пространстве. Обращаясь к «Слову о полку Игореве», «Задонщина» никогда не оставалась с ним с глазу на глаз. Образ Русской земли, противопоставленный в «Задонщине» образу Русской земли в «Слове о полку Игореве», перекликается с рядом других произведений древней русской литературы. Тот же огромный, широкий пейзаж, большой художественный кругозор, поэтический гиперболизм образов, при котором возможен одновременный охват предметов, разобобщенных между собой огромным пространством, присутствуют во многих произведениях древней русской литературы. Сходное изображение Русской земли в высокой степени присуще в частности «Слову о погибели русской земли» (XIII в.). Под этим названием известен небольшой, дошедший до нас в единственном списке отрывок какого-то произведения, тематически связанного с татаро-монгольским нашествием.

Автор «Слова о погибели русскыя земли» рисует широкую картину родины, любовно описывает ее богатство, красоту, славу, обширность. Отрывок начинается с обращения к «светло-светлой и украсно-украшенной» Русской земле, удивленной многими красотами, реками, кладезями, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями различными, птицами бесчисленными, городами великими, князьями грозными, боярами честными.

От общего описания красоты родины автор переходит к описанию ее величия и славы в старину. Широким взглядом охватывает он границы Руси и необъятные пространства, покорные великому князю Всеволоду, отцу его Юрию и деду Владимиру Мономаху. Именем последнего половцы пугали своих детей, а литва при нем не выникала на свет из своих болот. При нем венгры ограждали свои каменные города железными воротами, немцы же радсвались, живя за синим морем. Сам император Мануил, опасаясь того, чтобы Владимир Мономах не взял Царьграда, посылал ему великие дары. Это было раньше, а теперь наступила «болезнь крестияном», т. е. татарское нашествие.

Итак, примкнув к старой литературной традиции в изображении Русской земли, — традиции, которая оборвалась с татаро-монгольским нашествием на полтора-два столетия, — автор «Задонщины» как бы вознес события Донской победы над современностью, перенес их в сферу общих исторических судеб народов — русского и «жребия Симова», Русской земли и «земли незнаемой» — татаро-половецкой. События, о которых рассказывает «Задонщина», — битва на Куликовом поле и битва на Каяле — Калке, — это как бы символы народных судеб. Действие «Задонщины» разворачивается как бы в идеальном мире. Отсюда такое равнодушие автора к мелочам, конкретно-историческим деталям. Для него несущественно — кто такие реально народы, пришедшие с Мамаем на Русскую землю. Для автора «Задонщины» это вообще «поганые» (от латинского paganus — язычник) — символ иноземных поработителей. Поэтому-то с такою легкостью в «Задонщине» объединены половцы и татары, битва на Калке и битва на Каяле. Дмитрий Донской и Владимир Киевский — это идеализированные вожди русского народа, может быть, совсем не похожие на реальных Дмитрия Ивановича и Владимира Святославича. Действие «Задонщины» обобщено и суммировано. Автор рассматривает события как бы с идеальной высоты, только в их внутреннем, «роковом» значении. В этом отношении «Задонщина» — типичное произведение средневековья.

IV

Автор «Задонщины» не ограничился художественным параллелизмом со «Словом о полку Игореве». Он создал ряд самостоятельных картин, но создал их в том же стиле, в той же художественной манере, ничуть не нарушив эстетической цельности своего произведения, умело привлекая образы народной поэзии, — единственной, которая действительно могла сочетаться со стилем «Слова».

В духе народной поэзии введено новое развернутое сравнение битвы с соколиной охотой, — сравнение, выдержанное в тонах «Слова о полку Игореве», где образы соколиной охоты не редки. «Тогда же ястреби и соколи и белые кречети отрывахуся от златых колодиц, обрываху шелковыя опутины, возвиваючись под синия небеса, позвониша своими злачеными колокольци над быстрым Доном, хотят ударити на многия стада гусиные и лебединые, а богатыри русские хотят ударити на великия силы поганого царя Мамаю».

Народной поэзией навеяны многие из образов «Задонщины»: «то ти не орли слетошася, — съехалися все князи русские к великому князю Дмитрию Ивановичу на пособь»; «то ти, брате, не стук стучить, не гром гремить, — стучить сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремять удальци русские злачеными доспехи»; «то ти быша ни соколи, ни кречети, то ти наехали князи русские, богатыри литовские на великие силы татарския». Народной поэзии следует «Задонщина» и в ритмической организации речи.

Эпическими чертами изображены русские и литовские богатыри: Пересвет, поскакивающий на своем «вещем сивце» и собирающийся «чести добыти, плеч своих испытати», князь Владимир Андреевич, который скакал «по рати поганых татар, своим борзым конем поездаючи, золотым шеломом посвечаяючи». Близки народным плачам плачи Марьи, «воеводиной жены», Федосьи, «Тимофеевой жены Валуевича», «Андреевой жены Марьи да Михайловой жены Анисьи» и жен коломенских.

С народной поэзией в «Задонщину» проник и чисто народный юмор. Воевода запасного полка Дмитрий Волынец обращается в битве к русским князьям, боярам и воеводам: «то ти есть не наши московские сладкие меды...» Народный юмор сквозит и в изображении бегства Мамаю.

Думается, что обращение автора «Задонщины» к русской народной поэзии далеко не случайно. К первой половине XV в., повидимому, относится широкий подъем народного творчества. Народные сказания оказывают в это время значительное воздействие на историческую литературу, народные плачи проникают в житийные произведения. Повидимому, именно в XV в. появляется переработка замечательной «Повести о приходе Батыевой рати на Рязань», со вставленным в нее пересказом народной былины о Евпатии Колыврате. Наконец в начале XV в. московская летопись (в так называемом Киприяновском своде) включила имена былинных героев: Алеши Поповича, Адряна Добрянкова, Демиана Куденевича, Рыгдая Удалого, Добрыни и др.

Это обращение московской литературы XV в. к народной поэзии было одним из моментов все того же национального русского возрождения, пришедшего после Куликовской битвы. «Задонщина» явилась одним из самых ярких моментов этого народного русского подъема, приведшего в конце концов к окончательному свержению татаро-монгольского ига.